

ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ И ПУШКИН

оложительно, Сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены в течение тридцати лет, если б и не вовсе иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможность достичь того развития, которое, к несчастью и в другой сфере жизни, несвоевременно было прервано. Характеристическая черта гения Пушкина—разнообразие. Не было почти явления в природе, события в общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении, природу можно было видеть только через железные решетки, а о жизни людей разве только слышать. Пушкин при всей своей восприимчивости никак не нашел бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни. Может быть и самый резкий перелом в существовании, который далеко не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать капризном, существе¹. Так писал о своем великом лицейском друге И. И. Пущин, не раз задумывавшийся над тем, что стало бы с Пушкиным, если бы он был членом тайного Общества.

¹ И. И. Пущин. „Записки о Пушкине и письма“. Редакция и библиографический очерк С. Я. Штрайха. М. 1925 г., стр. 134.

В далекой Сибири декабристы обсуждали роль Пушкина в русской литературе, стремились к его живительному творчеству¹.

В Читинском остроге поэт-декабрист Одоевский пишет свою поэму «Чалма», посвящая ее Александру Сергеевичу Пушкину, поэтические образы которого вдохновляли читинского узника, обращая его мысль к «Кавказскому пленнику»².

Здесь в остроге творческое соревнование с Пушкиным скрашивало тяжелые думы поэта-декабриста о печальной действительности.

В год организации за границей «Вольной русской типографии» А. И. Герценом, в разных местах каторжной Сибири на поселении доживали остатки своих изгнаннических лет декабристы. Миновало четверть века со дня их исторического восстания на Сенатской площади. За это время выросло новое поколение; для которого не прошла бесследно начатая ими борьба с самодержавием. И когда декабристы, получавшие легальными и нелегальными путями лучшую русскую и иностранную литературу, получили первые герценовские издания, они, становясь активными корреспондентами «Полярной звезды», поспешили передать потомству политические стихи А. С. Пушкина, сыгравшие большую революционизирующую роль в 20-х, 30-х годах XIX века³.

«Очень немногие знают,—сообщает Герцену декабрист И. Д. Якушкин,—коротенькое послание Пушкина «Во глубине Сибирских руд», которое, разумеется, никогда не было напечатано и может ныне читаться только в вашем сборнике. На всякий случай прилагаю еще Пушкина Noё1, который во время оно все знали наизусть и распевали чуть не на улице (может быть он и вам известен)»³.

Не забывал и Пушкин своих друзей-изгнанников

¹ О декабристах, как культурной силе старой Сибири, популяризаторах Пушкина см. в статье настоящего сборника «Старая Сибирь о Пушкине» А. Г.

² А. И. Одоевский, «Полное собрание стихотворений и писем». Асадетиа, 1934 г., стр. 121 («Чалма», отрывок из поэмы), стр. 360 («Чалма», комментарий).

³ «Из бумаг декабриста И. Д. Якушкина» Жур. «Былое», № 4, апрель 1906 г., стр. 188—189.

Среди декабристов были товарищи Пушкина еще со школьной скамьи: Пущин и Вильгельм Кюхельбекер. Пущина поэт называл своим «первым бесценным другом». Любил он и симпатичного «Кюхлю», как называл в лицее Вильгельма Кюхельбекера. Оба любимых товарища поэта были сосланы в Сибирь.

Друзьями Пушкина были Рылеев, Бестужев-Рюмин, Николай Тургенев, «первый декабрист» Владимир Раевский, В. Л. Давыдов, Якушкин, Александр Бестужев.

С большим уважением великий поэт относился к Пестелю. «Умный человек во всем смысле этого слова,—писал о нем Пушкин в своем дневнике в 1821 году,—мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и пр. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»...¹

Декабристы также горячо любили и уважали Пушкина. Его стихи были для них средством пропаганды вольнолюбивых идей. «Все его ненапечатанные сочинения,—писал декабрист Якушкин,—«Деревня», «Кинжал», четырехстишие «К Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и много других были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения. Со всеми его недостатками и со всеми добродетелями. И вот, может быть, почему он был поэт истинно народный, каких не бывало прежде в России»...²

В феврале 1826 года Александр Сергеевич, озабоченный участью Пущина, писал о нем Делвиг: «Но что Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь его должна решиться, сердце не на месте»...³

Глубокой горечью была проникнута случайная встреча на почтовой станции Пушкина с Кюхельбекером, которого жандармы увозили в крепость. Обратив внимание на «высо-

¹ Словимский А. А. Пушкин и декабристы. Соч. А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. СПб 1908 г. том II стр. 502—528.

² Якушкин И. Д. Записки. Изд. 7. Москва 1926 г.

³ Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине.

кого, бледного и худого молодого человека с черной боро-
дою, в фризовой шинели», Пушкин не сразу узнал своего
друга. Печальна была эта встреча. «Увидев меня, он с жи-
востью на меня взглянул,—пишет Пушкин,—я невольно
обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга—
и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объ-
ятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за
руку с угрозами и ругательствами—я его не слушал. Кю-
хельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды,
посадили в тележку и ускакали»... Это была последняя
встреча Пушкина с Кюхельбекером, но великий поэт ни-
когда не забывал своего «Кюхлю», даже в период его тю-
ремного заключения и ссылки.

Декабристов сослали в Сибирь. Начались томительные
дни каторги и ссылки в далеком крае, «посвященном сле-
зам и скорби». Декабрист А. Одоевский, выражая настро-
ение своих товарищей, томившихся в «глубине сибирских
руд», писал:

„Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовой зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей,
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал“...¹

В такой обстановке декабристы получили знаменитое
послание «В Сибирь» от своего гениального друга. Это
стихотворение было написано Пушкиным в 1827 году и от-
правлено с надежной попутчицей—женой декабриста Ники-
ты Муравьева, уезжавшей к мужу в Забайкалье. Декабри-
сты находились в этот период на каторге в Читинском
остроге.

¹ А. Одоевский. Стихотворения, Изд. „Советский писатель“ 1936 г.
Стихотворение „Кн. М. А. Волконской“. Стр. 69

Читинский острог во времена декабристов.

Послание «В Сибирь» ободряло декабристов и выражало надежду, что дело, за которое они боролись, не пропадет и одержит победу:

„Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут—и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут“...

Декабристы поняли, что после трагического поражения декабрьского восстания 1825 года, А. С. Пушкин остался их единомышленником, певцом вольности. Послание «В Сибирь» получило горячий отклик. Декабрист Одоевский от имени всех своих товарищей ответил Александру Сергеевичу прочувствованными стихами, выражавшими уверенность, что из революционной «искры разгорится пламя», зажегшее огонь свободы:

„Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над парями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя—
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы¹.

Одновременно с посланием «В Сибирь» Пушкин отправил с А. Г. Муравьевой стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный», посвященное И. И. Пущину. Эти стихи были переданы другу поэта сразу после прибытия Пущина в Читу, в январе 1828 года. Они доставили ему большую радость и душевное облегчение. ...«Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом,—рассказывает Пущин.—В самый день моего приезда в Читу (5 января 1828 г.) призывает меня к столу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на которой неизвестною рукою написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье.
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье!
Да озарит он заоченья
Лучом лицеиских ясных дней.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. Увы, я не мог даже пожать руку той женщи-

¹ А. Одоевский. Стихотворение стр. 44.

ны, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга, но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного может быть другим людям и при других обстоятельствах»...¹

Образы декабристов постоянно вспоминались Пушкину. В 1827 году он пишет стихотворение «Арион». В аллегорической форме поэт изображает здесь трагическую гибель декабристов и называет себя их певцом:

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны весла. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я—беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!—
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
И гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Каждый год 19 октября бывшие лицеисты радостно отмечали лицейскую годовщину. Но радость Пушкина омрачалась печалью при воспоминании о товарищах по лицейу, томящихся в Сибири. На лицейском празднике 1827 года поэт стихами приветствовал своих друзей:

... „Бог помочь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли!“

¹ Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине.

В. К. Кюхельбекер

Пушкин, получивший эти стихи через бывшего директора лицея Энгельгардта, сразу понял, о каких друзьях, томящихся в «темных пропастях земли», говорил поэт:

...«Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывались на лицейской сходке»...

Пушкин мечтал побывать в Сибири, чтобы посетить своих друзей декабристов, поделиться с ними своими радостями и печальями. Вместе с тем, замышляя писать «Историю Пугачевского бунта», он надеялся найти в Забайкалье материалы о ссылке участников этого движения на Нерчинскую каторгу. «Пушкин говорил мне,—сообщает М. Н. Волконская,—«Я намерен писать труд о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, исследую дальше и явлюсь к вам в Нерчинские рудники просить пристанища».

Он написал свою прекрасную работу, восхитившую всех, но не побывал в наших краях»...¹

Александр Сергеевич не забывал своих друзей декабристов до последних лет своей жизни. «Как он верен им»,—говорила писательница Смирнова в 30-х годах XIX века.²

В 1830 году Пушкин пишет десятую главу «Евгения Онегина», сожженную им. Сохранившиеся отрывки этой главы говорят о широком замысле нарисовать яркую картину эпохи, в которую развивалось движение декабристов. Поэт дает убийственную характеристику Александра I («Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой»), пишет о войне 1812 года, европейских революционных событиях 20-х годов («Тряслися гордо Пиренеи, вулкан Неаполя пылал») и, наконец, характеризует декабристское движение, говоря о Северном и Южном тайных обществах.

Декабристы также были верны великому поэту. В тюрьмах и ссылке они внимательно следили за творческим ростом Пушкина, радовались этому росту, восхищались его

¹ Волконская М. Н. Записки.

² Слонимский А. А. Пушкин и декабристское движение.

произведениями. «В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина, мы наслаждались всеми его произведениями, являющимися в свет»,—пишет Пущин.

А. С. Пушкин высылал книги Вильгельму Кюхельбекеру и вел с ним переписку. Как книги, так и письма великого друга доставляли изгнаннику большую радость.

В 1836 году в Иркутске в Главном Управлении Восточной Сибири началось следственное дело, получившее характерное название «Относительно писем, посланных от государственного преступника Вильгельма Кюхельбекера, помимо установленного порядка, в Санкт-Петербург к камер-юнкеру Пушкину и к здешнему городничему Ловцову».¹

На самый факт отправки Кюхельбекером письма к Пушкину обратил внимание шеф жандармов Бенкендорф, писавший генерал-губернатору Восточной Сибири Броневскому:

«Дошло до сведения моего, что находящийся в Санкт-Петербурге камер-юнкер Пушкин получил от государственного преступника Вильгельма Кюхельбекера из Баргузина от 12 февраля сего года (1836 г.) письмо, помимо III отделения... Хотя письмо сие ничего непозволительного не заключает, но тем не менее я обязываюсь покорнейше просить ваше превосходительство узнать, каким образом сие письмо было отправлено и почему оно не было представлено для просмотра по примеру прочих писем в III отделение»...

Допрошенный по поводу письма Кюхельбекер показал следующее:

«В г. Баргузин прибыл 20 января сего (1836 г.) и тогда же писал к своим родным, каковое письмо вручил для доставления подписи г. Осприну, состоящему в должности Иркутского гражданского губернатора, проводившему его, Кюхельбекера, в Баргузин сотнику Якову Михалеву, а по

¹ Ф. Кудрявцев. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении Сб. „Декабристы в Бурятии“. Верхнеуданск 1927 г. стр. 18—30.

том в феврале писал письмо камер-юнкеру Пушкину и отправил его в общем конверте с другими письмами к родным установленным порядком, т. е. через здешний словесный суд с надписью на конверте на имя состоящего в должности Иркутского гражданского губернатора»...

Несмотря на различные жандармские рогаки по отношению к письмам «государственных преступников», Пушкин и Кюхельбекер завязали между собой переписку после двенадцати лет невольной разлуки.

12 февраля 1836 г. Кюхельбекер пишет Пушкину из Баргузина:

«Двенадцать лет, любезный друг, я не писал к тебе... Не знаю как на тебя подействуют эти строки; они писаны рукою, когда-то тебе знакомою; рукою этого водит сердце, которое тебя всегда любило, но 12 лет—не шутка. Впрочем мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе, в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; долг потому, что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны. Раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем еще забыл меня, а во-вторых, приносили мне в моем уединении большое удовольствие... Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю потому, что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось».¹

В своем письме Кюхельбекер сообщил Пушкину различные сведения о «Забайкальском крае или Даурской Украине». Здесь были замечания о сибирском климате, о местном бурятском, эвенкийском (тунгусском) и русском населении, о характере сибирской речи и т. д.

Узнав из письма Кюхельбекера об эвенках (тунгусах), Пушкин упомянул о них в своем поэтическом завещании «Памятник», написанном в августе 1836 года. Он выражал

¹ Сочинения Пушкина. Изд. Акад. Наук. Переписка. Том III. 1911
Стр. 359

надежду, что тунгусы, как и другие народы Руси великой, назовут его своим поэтом:

„...И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус и друг степей калмык“.

Мечта поэта осуществилась после Октябрьской революции. Ныне эвенки (тунгусы), как и все народы Советского Союза, с любовью и восхищением читают бессмертные произведения Пушкина.

Ответные письма Пушкина к Кюхельбекеру в Сибирь, к сожалению до нас не дошли. Но они были. Об этом свидетельствует начало второго из уцелевших писем Кюхельбекера в Сибирский период: «Признаюсь, любезный друг, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил»...¹

18 октября 1836 года Кюхельбекер посылает Пушкину свои стихи «19 октября», где ему посвящены следующие строфы:

„Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Токогут... Песнопевец, это ты!
Твой образ—свет мне в море темноты.
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Когда, уединен, ты пил кручину“.

19 октября 1836 года было для А. С. Пушкина последней лицейской годовщиной.

Угроза ссылки в Сибирь не раз нависала над Пушкиным. Гениальный певец сам пережил годы изгнания. Они проходили на юге России и в селе Михайловском. Только за-

¹ Юрий Тынянов. Личность Пушкина. „Правда“ № 40 (7006) 1937 г.

ступничество Энгельгардта (бывшего директора царско-сельского лицея) и поэта Жуковского перед Александром I спасло Пушкина от Сибири.

Однажды во время прогулки в царскосельском саду Александр I подозвал Энгельгардта и между ними произошел такой разговор:

Александр I: Энгельгардт, Пушкина надо выслать в Сибирь, он наводнил всю Россию возмутительными стихами. Вся молодежь наизусть их читает.

— Воля вашего величества,—ответил Энгельгардт,—но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника. В нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады, Пушкин теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека».

Пушкина миновала участь декабристов, но и он, через 12 лет после расправы Николая I над участниками декабристского движения, пал жертвой феодально-крепостнического режима. В 1837 году гениальный поэт—«солнце русской поэзии», оклеветанный и затравленный крепостниками, был убит.

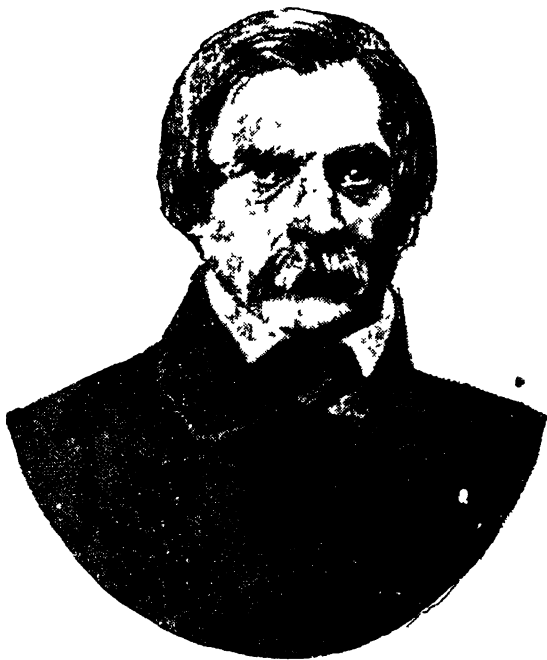
Трагическая гибель поэта была потрясающим ударом для декабристов. Друзей Пушкина охватило тяжелое чувство скорби о незаменимой утрате, безысходной тоски и одиночества. Это прекрасно выразил в глубоко прочувствованных стихах Вильгельм Кюхельбекер:

„И я один средь чуждых мне людей“

Это стихотворение заканчивается печальными строками:

„И вот опять лица день священный,
Но Пушкина меж нами нет“.

О своем бесценном друге Пушкине Александр Сергеевич вспомнил и в последние моменты своей жизни. «Как жаль, что нет здесь Пушкина, мне бы легче было умирать»,—гово-

И. И. Пушин

рил он окружающим. Между тем, Пушкин томился в это время в тюрьме Петровского завода (Забайкалье).

В начале 1837 года, вернувшийся из Петербурга в Петровский завод плац-адъютант Розенберг зашел в камеру, где находился Пушкин. Последний забросал его вопросами о родных и близких. На вопрос Пушкина, как поживает Пушкин, был получен печальный ответ: «Нечего от вас скрывать, друга вашего нет. Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер».

Как громовой удар ошеломила эта весть Пушкина и его товарищей. «Это был для меня громовой удар из безоблачного неба,—пишет Пушкин,—ошеломило меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце.—Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме—во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина—об общей нашей потере, но в итоге выходило одно, что его не стало и что не воротить его!..¹

Скорбя о тяжелой утрате, Пушкин находил только одно утешение: «Я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех, умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях»..»

Пушкин и его друзья—декабристы пали жертвой феодально-крепостнического режима, но их дело не пропало. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление»,—писал Пушкин.—«Из искры возгорится пламя»,—отвечал ему декабрист Одоевский. Через 73 года эта строка послужила эпиграфом для ленинской «Искры», вышедшей в 1900 году, как орган нового революционного поколения—пролетарских революционеров, создавших невиданную в мировой истории по своей сплоченности, энергии, беззаветному героизму большевистскую партию.

Движение декабристов оказало влияние на последующие поколения революционных борцов. В. И. Ленин так харак-

¹ Декабрист И. И. Пушкин. Записки о Пушкине и письма из Сибири стр: 132—133.

теризовал причины поражения декабристов, а также их значение и место в истории революционного движения:

...«Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

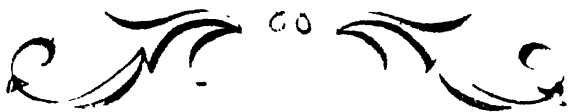
Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»... (Ленин, т. XV, стр. 468—469).

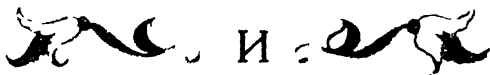
Буря Октябрьской революции смела самовластие помещиков и капиталистов, открыв широкий путь строительства социализма. В эпоху кипучего роста национальной по форме и социалистической по содержанию культуры бессмертное творчество Пушкина стало драгоценным достоянием миллионов.

В наши дни особенно правдиво звучат слова декабриста И. И. Пущина: «Пушкин всегда жив для тех, кто его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях»...

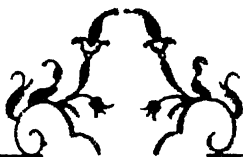

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ